РЕГУЛЯТОРНАЯ ПОЛИТИКА: ОТРАЖЕНИЕ В ОСЕТИНСКОМ ОБЫЧНОМ ПРАВЕ И ПРАВОСОЗНАНИИ

**Аланти-Цалиев
Александр
Михайлович**

Заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой конституционного и административного
права, Северо-Кавказский горно-металлургический институт
(362021, Россия, РСО-Алания, г. Владикавказ, ул. Николаева, 44).
E-mail: aronaron666@mail.ru

Аннотация

В статье рассматривается регуляторная политика и ее отражение в осетинском обычном праве и правосознании. Отмечается, что социальная значимость норм обычного права заметно возрастает в случаях радикальных изменений в социальной системе – с капиталистической на социалистическую, что имело место в 1920-х гг., и наоборот, как это случилось в постсоветский период. И это является закономерным явлением, поскольку образовавшийся правовой вакуум невозможно в полной мере заменить новой правовой материей. В такие исторические периоды появляется соблазн начинать правовую жизнь заново, хотя с позиции методологии решения социально-правовых проблем наиболее разумным и оправданным, как показывает история и современность, является сочетание новых и прогрессивных традиционных правовых норм. Обосновывается востребованность норм обычного права, и иллюстрируется это на примере отраслевых норм федерального законодательства, а также регионального конституционного законодательства. Классифицируются этапы вхождения российского государственно-правового пространства в кавказский правовой мир, рассматриваются его особенности и сложности. Утверждается, что на всех указанных выше исторических этапах в российской государственно-правовой регуляторной политике осетинское обычное право практически не теряло своего авторитета, социальной ценности и востребованности в обществе. Высокая степень его развития стала причиной пристального внимания ученых европейского уровня, вклад которых в изучение и раскрытие осетинского обычного права подчеркивается в работе. Здесь же раскрываются особенности национально-го правосознания как органичного элемента регуляторной политики.

Ключевые слова: Кавказ, Конституция Российской Федерации, регуляторная политика, российское государственно-правовое пространство, царская администрация, осетинское обычное право, обычно-правовые нормы, российское правосознание, общественные отношения.

Регуляторная политика находит свое отражение как в различных отраслях российского и зарубежного права, так и в региональных, в том числе неписаном праве – обычном праве. Оно в историческом плане является источником российского права, тесно с ним взаимодействует и дополняет регуляторную политику государства, которая «напрямую затрагивает проблему избыточного правового регулирования», что дает возможность более активно задействовать в ней нормы обычного права [2, с. 50]. В какой степени и в каких отраслях права – вопросы, требующие своего самостоятельного исследования, и они уже ведутся, как показывает анализ некоторых научных работ. Это вполне закономерно, поскольку интерес к обычному праву возникает особенно при радикальных реформах законодательства, права, правовой системы, как это имеет место в постсоветский период, когда вновь возникшие общественные отношения не могут быть в полной мере урегулированы действующим законодательством, а новое ещё не разработано.

Сказанное, во-первых, определяет актуальность данного исследования, а, во-вторых, отражает наше видение того, что обычное право дополнительное, но необходимое регулятивное средство, является также источником региональной правовой системы. Неслучайно, в некоторых субъектах России, в основном входящих в Северо-Кавказский федеральный округ, можно наблюдать взаимодействие норм российского законодательства, обычного права, а также норм религии [22, с. 155]. Так, в Конституции Карачаево-Черкесии устанавливается, что «Общепризнанные прогрессивные обычаи и традиции народа республики: уважение к старшему, женщине, людям различных религиозных убеждений, милосердие – священны».

Аналогичные обычно-правовые нормы есть и у других народов, проживающих в других субъектах Российской Федерации, поэтому у законодательных органов региональной публичной власти есть возможность их нормативного закрепления в разных конституционно-правовых актах.

Все общественные отношения невозможно урегулировать нормами писаного права, к тому же в этом нет необходимости, поэтому нормы обычного права в той или иной степени, в зависимости от особенностей общества, государства (исторические, нравственно-психологические, экономические, правовые, природно-климатические, этнические и т.д.) будут социально востребованы. Обращая на это внимание, Председатель Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькин отмечает: «Мы должны серьезно, ответственно и бережно учитывать и использовать сохранившиеся в российской социальной ткани неписанные нормы здоровой массовой моральной регуляции. Делать это должны хотя бы потому, что только они, по большому счету, реально восполняют все еще недостаточную эффективность законодательного правового регулирования» [8, с. 2].

Специалистами ныне общепризнана социальная ценность обычного права в определенных конкретных сферах жизнедеятельности, например, гражданско-правовых. Так, в Гражданском кодексе РФ (ст. 5), законодательно закрепляется факт признания их в качестве источников права, расширяются возможности применения по сравнению с ранее действовавшим законодательством. Об этом свидетельствует также Постановление Пленума Верховного суда от 31 мая 2015г. «О Применении судами некоторых положений раздела I ч. 1 Гражданского Кодекса Российской Федерации». Согласно постановлению, суды при разрешении споров в сфере гражданского права могут применять обычай не только в сфере предпринимательства, но и в другой деятельности.

Таким образом, постепенно и последовательно создается правовая база закрепления традиционных обычно-правовых норм, что расширяет возможности регуляторной политики на региональном уровне при соответствующем творческом и профессиональном подходе к ней.

Наряду с гражданским правом значение обычая и в конституционном праве отмечает академик О. Е. Кутафин. По его мнению, «нельзя игнорировать его роль как непосредственного регулятора государственных отношений. Его значения для подготовки и принятия целого ряда важнейших норм конституционного права» [13]. В административном праве Д.Н. Бахрах полагает, что «административное обыкновение в наше время существует в деятельности отдельных организаций как локальные нормы» [3, с. 41]. Можно и еще перечислять отрасли права, где могут быть востребованы нормы обычного права. Но однозначно одно – любое общество, государство, где наряду с писаными нормами сохраняются и используются нормы обычного права, расширяет свои возможности в регуляторной политике, имеет преимущество в ее осуществлении, а, следовательно, в достижении тех целей, которые ставятся перед ней.

Возвращаясь к актуальности предложенной темы, отметим – в жизни, науке, политике, праве, правотворческой и правоприменительной деятельности в качестве методологической установки необходимо исходить из того, что «Новаторство – это не отрицание прошлого, а его развитие», как недавно совершенно правильно подчеркнул Президент России В.В. Путин¹.

Успешное развитие в новых условиях действующей правовой системы возможно при сохранении в ней прогрессивных обычаев и традиций, которые есть у каждого народа. Составляя в своей совокупности обычное право, они приобретают свои диалектические особенности с учетом складывающейся социально-политической обстановки. Если иметь в виду осетинский народ, то в его истории обычное право занимало ведущее место и сакральное значение среди социальных ценностей, поскольку долгое время выступало основным и практически единственным регулятором общественных отношений. Оно основывалось на осетинских обычаях и традициях, которые получили достаточное развитие уже у исторических и генетических предков осетин – алан. Они с середины XIV века после татаро-монгольского нашествия и завоевания их территорий в Предкавказье были оттеснены в горы Центрального Кавказа и жили там вплоть до добровольного присоединения к России в 1774 г. Жизнь в крайне тяжелых социально-экономических условиях во многом окончательно определила

---

¹ Формы воплощения. Российская газета. 2021. 26 марта.

демократический и общеобязательный характер осетинского обычного права, а строгое соблюдение его норм во многом помогло спасти народ.

Применительно к кавказским народам правильно пишет известный ученый-юрист профессор Д.Ю. Шапсугов: «Трагические катастрофы, многократно выпадавшие на долю этих народов и ставившие их на грань жизни и смерти, заставлявшие испытывать рабское состояние, не смогли вытравить из их сознания дух правовой свободы, которая оказалась присущей им на генетическом уровне» [23]. Об этом свидетельствует история распространения российского государственно-правового пространства на территории народов Северного Кавказа. Это время в основном совпало с принятием 1 января 1871 г. «Положения о Кубанской и Терской областях» и стало началом периода гражданского управления с установлением официальных административных границ и включением традиционных институтов горского управления и права в государственно-правовую систему Российской Империи.

Основные цели данного, *первого этапа* государственных преобразований Северного Кавказа сформулировала Екатерина II: приведение кавказских народов «в зависимость от высочайшего престола» и распространение на них «благоустройства» и законов российских¹. Указом от 28 февраля 1792 г. императрица вводит в действие план государственных реформ, направленных на реализацию указанных целей. Тем не менее, с началом данного этапа стало возможным говорить об обычном праве как о «санкционированных государством нормах обычаев, выработанных в течение продолжительного времени естественным развитием общества, обеспеченных от нарушений мерами государственного принуждения» [7, с. 69]. В пользу такого определения свидетельствует тот факт, что уже в 1819 г. в России была начата работа по кодификации обычного права коренных народов Сибири, а в 1841 г. был подготовлен своеобразный проект кодекса обычного права народов Сибири.

В середине 1880 г. начался *второй этап* распространения российского государственно-правового пространства на территории проживания народов Северного Кавказа. Правовой основой этого этапа стало «Учреждение управления Кавказского края», оформившего курс правительства на унификацию системы управления национальных окраин и их окончательное включение в общеимперскую систему органов власти механическим распространением российских законов на Северном Кавказе.

Можно выделить *третий этап* вхождения российской государственно-правовой системы в национально-государственную правовую систему северокавказских народов. Он проходил в начале XX в. в условиях заметного кризиса российской государственной власти. И тогда, как отмечает Л. Петров, было решено: 1) «сообразить общие законы Российского государства с умоначертаниями тамошнего народа» и 2) «приспособить их древние обычаи и обряды, поскольку важность случаев дозволит к правам российским». Возможно, отмечает он, «в отдаленном будущем, когда семена русской гражданственности, брошенные на кавказскую почву, дадут всходы», вот тогда «явится возможность перейти к решению всех дел на основании общих законов империи без той чудовищной ломки сложившегося строя, которую допустила Англия у подошв Гималаев» [15, с. 51].

Такая политико-правовая и образная установка стала основой принятия решения об учёте в российской государственно-правовой регуляторной политике региональных особенностей и интересов местного населения. В частности, начали создавать двухуровневую правовую систему на Кавказе путём распространения действия российского законодательства при сохранении традиционных правовых регуляторов, особенно в сфере судопроизводства [24].

Здесь признавалось также шариатское судопроизводство, осуществляющееся на основе норм исламского права, а иногда использовались и нормы обычного права. Забегая вперед, отметим, что попытки его игнорирования не только в досоветский период, но и в первые годы советской власти, когда стали упразднять шариатское судопроизводство, имевшее к тому времени более чем двухсотлетнюю историю существования, привели к тому, что в начале 1918 г. в Кабарде муллы приняли энергичные меры к захвату власти и настояли на том, чтобы восстановить шариатское судопроизводство.

Новая власть трезво оценила политическую ситуацию, и поэтому 4 марта 1918 г. на II Съезде народов Терской области его делегаты приняли резолюцию: «каждому народу

¹ Полное собрание законов Российской Империи. Т. 23. № 17025.

предоставляется право организовывать свои народные суды, творящие правосудие согласно народным обычаям и нравам».

На всех указанных выше исторических этапах в российской государственно-правовой регуляторной политике осетинское обычное право практически не теряло своего авторитета, социальной ценности и востребованности в обществе. Оно было настолько развито, что стало темой исследования многих историков-правоведов. Среди них особое место занимают труды таких крупных ученых европейского уровня, как В.Б. Пфафф, Р.И. Леонтович, Н.М. Ковалевский [11, 14, 18]. Первый из них подготовил и опубликовал фундаментальную работу – «Народное право осетин», опубликованную в 1871–1872 гг. в двух томах. О развитости осетинского обычного права свидетельствует и тот факт, что уже в данной работе В.Б. Пфафф, во-первых, отмечает не только национальное значение, но и его социальную ценность для понимания общей теории права. По его мнению, «осетинское народное право имеет большое значение и для разъяснения некоторых основных идей и начал науки права вообще» [18, с. 182]. Во-вторых, то, что он подметил тогда, остается истиной и по сей день: «В Осетии каждый аул имеет свое особенное право» [18, с. 184]. Объяснить это, на наш взгляд, страстное желание к утверждению своего достоинства, гордости и свободы, своих ценностей, в том числе в правовой сфере, невозможно без учета соответствующих психолого-генетических особенностей человека, народа, что заслуживает отдельной темы исследования. В-третьих, фактологический материал по нормам осетинского обычного права был настолько обширным и разнообразным, регулирующим основные сферы жизнедеятельности народа, что позволил его классифицировать на разные отрасли и институты права, как в прошлом, так и ныне.

Значительный вклад в изучение и понимание норм осетинского обычного права как важного регулятора общественных отношений внес известный ученый-правовед Ф.И. Леонтович, который в своей объемной работе «Адаты кавказских горцев» (1881–1882) посвятил большой раздел адатам (обычаям) осетин. При всем их многообразии в зависимости от той или иной общности людей, во многом замкнуто проживающих в ущельях и горах Центрального Кавказа, они имели много общего, что убедительно свидетельствует об их важной регулятивной функции.

Нормы осетинского обычного права наиболее полное, системное, целостное изложение и научный анализ получили в работе выдающегося русского ученого М.М. Ковалевского «Современный обычай и древний закон: обычное право осетин в историко-сравнительном освещении», вышедшей в 1886 г. в 2-х т. Вполне справедливо и оправданно, что с учетом данной и иных работ по Кавказу в 1936 г. было принято специальное постановление Президиума Академии наук СССР о переиздании кавказоведческих трудов М.М. Ковалевского. Поэтому нельзя согласиться с высокомерным, ничем не обоснованным утверждением некоторых авторов о том, что большинство теорий о правовом обычае и обычном праве не опирались на эмпирический материал их функционирования во второй половине XIX – начало XX вв., а носили умозрительный во многом надуманный характер [21, с. 135]. Им неизвестно, что под редакцией известного ученого – профессора Д.Ю. Шапсугова – подготовлены и опубликованы за последние годы более тридцати объемистых томов по *«Антологии памятников права народов Кавказа»*, проведено 10 международных научно-практических конференций, по материалам которых издано столько же сборников, посвященных *правовому миру Кавказа*, где приводится многочисленный эмпирический материал, свидетельствующий о функционировании норм обычного права, в том числе, в период интенсивной европеизации права кавказской цивилизации. Об этом же свидетельствует п. 50 «Временных правил Кубанской и Терской областях», введенный в действие в 1869 г., закрепляющий, что Горский словесный суд рассматривает дела «на основании местных обычаев и только по таким делам, для решения которых обычаи не сложились, руководствуется общими законами Империи».

В указанной выше работе М.М. Ковалевский подробно рассматривает обычное договорное, семейное, наследственное, уголовное и уголовно-процессуальное право, их значение в нормативно-правовом регулировании в жизнедеятельности традиционного общества. Анализ и суждения указанных ученых позволяют достаточно полно раскрыть содержание осетинского обычного права и понять в целом социальную ценность норм неписаного права, их познавательное и практическое значение.

О социальной роли норм обычного права ныне пишут многие ученые и это вполне логично, поскольку они имеют не только прошлое, но и настоящее, и будущее, как отмечается в книге с аналогичным названием [16]. Их игнорирование, а тем более неприятие, разрывает историческую связь правового мира поколений, сужает перспективы правового развития, лишает возможности полноценного взаимодействия органически взаимосвязанных норм писаного и неписаного права, ограничивает пределы эффективного государственно-правового регулирования общественных отношений. Примеров сказанному много как в советский, так и особенно в досоветский период, когда представители царской администрации при освоении территорий Центрального Кавказа пытались изменить правовой мир кавказских народов с помощью административных методов и норм. Этот процесс в Осетии начался еще в середине XIX века после добровольного присоединения Осетии к России, когда нормы российского законодательства представители царской администрации начали внедрять иногда с опережением и не всегда удачно в местную правовую систему. Удивительно, но в числе их оказались представители и коренных народов (как известный в истории и приближенный к царской администрации осетинский генерал Н. Кундухов, который будучи тогда начальником Военно-осетинского округа из благородных побуждений разработал нравственный кодекс осетинского народа, названный как «Приговор осетинского народа»). Под стать названию документа, дабы придать ему общеобязательный характер, он именовался приговором, а не решением, предложенные же в нем нормы административного характера регулировали общественные отношения даже на бытовом уровне: порядок поведения на похоронах; форма проведения свадьбы; количество приглашенных на нее; количество выпитого и т.п. Сама жизнь отвергла такого рода нормы административного урегулирования и тогда, и в последующем, включая советский и постсоветские периоды.

История и современность неоднократно учат нас тому, что нормативно-правовая система только тогда может быть эффективной и перспективной, если она рационально и органично сочетает заложенные в ней традиции и новации. Такая правовая регуляторная политика должна быть последовательной и необратимой в нашей государственно-правовой жизни, чтобы избежать ее революционные и необдуманные, неоправданные постоянные реформирования.

Ныне жизнь показывает, что наряду с бурным развитием норм писаного права, законодательства, тем не менее, остаются такие сферы общественных отношений, которые не урегулированы ими, или же в них неэффективно и неполно это осуществляется, особенно в сфере новых социально-экономических условий. Поэтому всё чаще заговорили о социальной востребованности норм обычного права и соответствующего им правосознания. Последнее в корне отличалось от имперского российского правосознания, которое стало формироваться с начала средних веков на основе норм писаного права. Здесь давно утвердилось мнение: «Закон что дышло, куда повернешь, туда и вышло». Особенность такого правосознания была общеизвестна и общепризнана в обществе, тем более, среди творческой интеллигенции. Так, по признанию известного юриста Б.А. Кистяковского, царская «интеллигенция никогда не уважала право, никогда не видела в нем ценности; из всех культурных ценностей право находилось у нее в наибольшем загоне», и это являлось неизбежным «результатом застарелого зла – отсутствия какого бы то ни было правового порядка в повседневной жизни» [10, с. 616, 620].

Спустя несколько лет М.И. Калинин говорил, что в нашей стране в прошлом законность никогда не занимала почетное место. Существовали полное бесправие масс, безнаказанность дворянства, а потом и капиталистов, общепризнанное взяточничество чиновников и полный административный произвол местной власти над податным населением. И так ведь продолжалось не годы, не десятки, а сотни лет, отмечает он. На такой «почве хищничества сильных при полном бесправии слабых создавалось и росло правосознание народа. Само собой понятно, что у нас никакого уважения к праву и к закону в народе не было и не могло быть» [9, с. 102].

Еще ранее А.И. Герцен тоже неоднократно подчеркивал, что «идея права у нас... смешивается с признанием силы или совершившегося факта», что «закон не имеет для нас другого смысла, кроме запрета, сделанного властью имущим». «Правовая необеспеченность, искони тяготевшая над народом, – продолжал он, – была для него своего рода школой. Вопиющая несправедливость... законов научила его ненавидеть их; он подчиняется им как силе. Полное неравенство перед судом убило в нем всякое уважение к законности» [4, с. 457; 5, с. 272; 6, с. 127, 272–273].

Что касается обычного правосознания народов Северного Кавказа, в частности, осетинского, то оно издревле формировалось и опиралось на обычное право, и было ориентировано на нормативную систему бытия. При этом, «богатство норм осетинского права, регулирующих социально-политическую и хозяйственную жизнь социума, безусловно, отражает высокую степень развития общественных отношений, высокий уровень правосознания» [12, с. 81]. Так, осетин, особенно в прошлом, не представлял себя, свое поведение вне системы установившихся социальных норм обычного права. В той или иной степени это было характерно и для других народов во времена традиционного образа жизни. Причем, обычаям следовали не потому, что сила традиции подавляла человека. Ему подчинялись потому, что он был внутренне вплетен в огромную живую сеть взаимоотношений, устроенную дотошным и организованным образом [19, с. 98]. Аналогичное понимание обычая и силы его воздействия дается и во многих других литературных источниках. Еще в конце XIX в. В.Б. Пфафф писал, что «осетинские обычаи действуют со всей силой неизменных законов природы, не позволяющих ни малейшего отступления от них и ни малейшего исключения» [18, с. 169]. В тех редких случаях, когда это имело место, виновный осуждался его же общиной. Решением общественного органа власти – «Ныхаса» (народное собрание), он изгонялся из своего общества, поселения-аула (по осетински – «хъоды»), что считалось самым позорным и жестоким видом наказания, поскольку помимо всего, осужденный лишался социальной защиты своей родни, общины и это было равносильно смерти.

Отмечая особенности традиционного правового сознания и сверяя их с сегодняшними, очевидны дефекты, способствующие формированию нынешнего правового нигилизма, обусловленные не только российским правотворчеством и правоприменением, но и европейским. Как правильно отметил Г.Г. Небратенко, современное европейское право может рассматриваться с точки зрения деформации правосознания в условиях рецессии глобализации, так как давно Евросоюз дискредитировал своими «двойными стандартами» правовые основы западного мира [17]. С другой стороны, Конституция РФ, внесенные в нее изменения будут оказывать значительное позитивное влияние не только на практическую деятельность органов публичной власти, но и на правовое сознание, поскольку они способствуют особенностям конституционно-правовой культуры россиян [1, с. 59, 60]. Одним словом, развитое высокое правосознание становится существенным фактором правового воздействия на социальную действительность. Оно «приобретает особое значение в современной жизни, поскольку отражает внутренний потенциал человека, его нравственные ценности, духовный мир и гражданскую позицию» [20, с. 10].

В заключение отметим, что некоторые нормы обычного права во многом идентичны с отдельными федеральными конституционными новеллами, такими как усиление суверенности национального права и правоприменительной практики, повышение роли представительных органов власти, любовь к Отечеству, уважение к старшему поколению, человеку труда, патриоту, признание традиционных семейных ценностей, вера в Бога, что актуализирует их социальную востребованность и ценность. Отметим и то, что нормы писаного и неписаного права в процессе нормативного регулирования диалектически тесно связаны и взаимодействуют, дополняя друг друга, обосновывают свою социальную значимость и место в государственной регуляторной политике, поэтому они должны быть учтены в региональном правотворчестве в процессе приведения основных законов субъектов РФ в соответствие с новыми нормами Конституции Российской Федерации.

Литература

1. Баранов П.П. Политико-правовые итоги конституционной реформы 2020 года в России // Северо-Кавказский юридический вестник. 2020. № 3. С. 59–69.
2. Баранов П.П. Совершенствование современной регуляторной политики России: общетеоретические и практические аспекты // Северо-Кавказский юридический вестник. 2020. № 1. С. 50–58.
3. Бахрах Д.Н. Административное право России. М., 2000. 640 с.
4. Герцен А. И. Сочинения. СПб., 1905, т. III.
5. Герцен А. И. Сочинения. СПб., 1905, т. V.
6. Герцен А. И. Сочинения. СПб., 1905, т. VI.

7. Даншин А.В., Шелепова М.А. Обычное право от Российской империи до современной России: генезис и эволюция // Мир политики и социологии. 2016. № 5. С. 68–76.
8. Зорькин В.Д. Проблемы конституционно-правового развития России (к 20-летию Конституции РФ) // Вестник Московского Университета. Серия 11: Право. 2014. № 1. С. 3–21.
9. Калинин М.И. Избранные произведения. М., 1975.
10. Кистяковский Б.А. Социальные науки и право. Очерки по методологии социальных наук и общая теория права. М., 1916.
11. Ковалевский М.М. Современный обычай и древний закон. Обычное право осетин в историко-сравнительном освещении. М., 1886.
12. Кузьминов П.А. Изучение правовых норм горских народов в советском кавказоведении // Системы власти и права автохтонных народов Кавказа, Российской империи, Советов (XVIII–XX вв.): сравнительный анализ. Материалы VI Международной научно-практической конференции. Нальчик, 18-21 мая 2016 г.
13. Кутафин О.Е. Источники конституционного права РФ. М., 2002. 348 с.
14. Леонтович Р.И. Адады кавказских горцев. Материалы к обычному праву. (2-х т.). Одесса. 1882-1883.
15. Петров Л. Происхождение обычного права // Журнал министерства юстиции. 1899.
16. Правовой мир Кавказа: прошлое, настоящее, будущее. Материалы Международной научно-практической конференции. Ростов н/Д.: Изд-во СКАГС, 2011.
17. Правосознание и правовое мышление в условиях цифровизации общества // Северо-Кавказский юридический вестник. 2020. № 2. С. 160–163.
18. Пфафф В.Б. Народное право осетин. Тифлис. 1872. Сборник Сведений о Кавказе. (2-х томах). Тифлис. 1872.
19. Свечникова Л.Г. Понятие обычая в современной науке: подходы, традиции, проблемы (на материалы юридической и этнологической наук) // Государство и право. 1998. № 9. С. 98–102.
20. Тихомиров Ю.А. Формула правового воздействия // Журнал российского права. 2020. № 11. С. 5–13.
21. Трофимов Я.В., Краснов С.Ю. Понятие «обычное право»: современные тенденции, перспективы развития в цивилистической и других юридических науках // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Серия 5. Юриспруд. 2011. № 2(15). С. 135–144.
22. Шаниев Р.Н. Соотношение обычного права и российского законодательства: вопросы теории и практики // Проблемы в российском законодательстве. 2017. № 2. С. 155–157.
23. Шапсугов Д.Ю. Правовой мир как реальность и научная проблема. Правовой мир Кавказа: прошлое, настоящее, будущее (Материалы Международной научно-практической конференции). Ростов-на-Дону, 2011.
24. Шатковская Т.В. Имперская модель осуществления государственной власти России на Северном Кавказе: этапы становления и особенности реализации // «Империи, монархии, республики, конфедерации как формы осуществления власти на Кавказе» Материалы VIII Международной научно-практической конференции / Отв. ред. и сост. Д. Ю. Шапсугов. Ростов н/Д.: Издательство ООО «Альтаир», 2018.

Alanti-Tsaliev Alexander Mikhailovich, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Constitutional and Administrative Law, North Caucasus Mining and Metallurgical Institute (State Technological University), Honored Lawyer of the Russian Federation (44, Nikolaev St., Vladikavkaz, RSO-Alania, 362021, Russian Federation). E-mail: aronaron666@mail.ru

REGULATORY POLICY: REFLECTION IN OSSETIAN COMMON LAW AND LEGAL CONSCIOUSNESS

Abstract

The article examines the regulatory policy and its reflection in the Ossetian customary law and legal consciousness. It is noted that the social significance of customary law rules noticeably increases in cases of radical changes in the social system – capitalist to socialist, which took place in the 1920s and vice versa, as happened in the post-Soviet period. And this is a natural phenomenon, since the resulting legal vacuum cannot be fully replaced by new legal matter. In such historical periods, there is a temptation to start legal life anew, although from the standpoint of the methodology for solving social and legal problems, the most reasonable and justified, as history and modernity show, is a combination of new and progressive traditional legal norms. The demand for the norms of customary law is substantiated and illustrated by the example of sectoral norms of federal legislation, as well as regional constitutional

legislation. The stages of the entry of the Russian state-legal space into the Caucasian legal world are classified, its features and difficulties are considered. It is argued that at all the above historical stages in the Russian state legal regulatory policy, Ossetian customary law practically did not lose its authority, social value and relevance in society. The high degree of its development has become the reason for the close attention of scientists of the European level, whose contribution to the study and disclosure of Ossetian customary law is emphasized in the work. It also reveals the peculiarities of national legal consciousness as an organic element of regulatory policy.

Keywords: *Caucasus, The Constitution of the Russian Federation, regulatory policy, Russian state-legal space, tsarist administration, Ossetian customary law, customary legal norms, Russian legal consciousness, public relations.*

References

1. Baranov P.P. Politiko-pravovye itogi konstitucionnoj reformy 2020 goda v Rossii // Severo-Kavkazskij yuridicheskij vestnik. 2020. № 3. P. 59–69.
2. Baranov P.P. Sovershenstvovanie sovremennoj reguljatornoj politiki Rossii: obshcheteoreticheskie i prakticheskie aspekty // Severo-Kavkazskij yuridicheskij vestnik. 2020. № 1. P. 50–58.
3. Bahrah D.N. Administrativnoe pravo Rossii. M., 2000. 640 p.
4. Gercen A. I. Sochineniya. SPb., 1905, t. III.
5. Gercen A. I. Sochineniya. SPb., 1905, t. V.
6. Gercen A. I. Sochineniya. SPb., 1905, t. VI.
7. Danshin A.V., Shelepova M.A. Obychnoe pravo ot Rossijskoj imperii do sovremennoj Ros-sii: genezis i evolyuciya // Mir politiki i sociologii. 2016. № 5. P. 68–76.
8. Zor'kin V.D. Problemy konstitucionno-pravovogo razvitiya Rossii (k 20-letiyu Konstitucii RF) // Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 11: Pravo. 2014. № 1. P. 3–21.
9. Kalinin M.I. Izbrannye proizvedeniya. M., 1975.
10. Kistyakovskij B.A. Social'nye nauki i pravo. Oчерki po metodologii social'nyh nauk i obshchaya teoriya prava. M., 1916.
11. Kovalevskij M.M. Sovremennyy obyčaj i drevnij zakon. Obychnoe pravo osetin v istoriko-sravnitel'nom osveshchenii. M., 1886.
12. Kuz'minov P.A. Izuchenie pravovyh norm gorskih narodov v sovetskom kavkazovedenii // Sistemy vlasti i prava avtohtonnyh narodov Kavkaza, Rossijskoj imperii, Sovetov (XVIII–XX vv.): sravnitel'nyj analiz. Materialy VI Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Nal'chik, 18-21 maya 2016 g.
13. Kutafin O.E. Istochniki konstitucionnogo prava RF. M., 2002. 348 p.
14. Leontovich R.I. Adaty kavkazskih gorcev. Materialy k obychnomu pravu. (2-h t.). Odessa. 1882-1883.
15. Petrov L. Proiskhozhdenie obychnogo prava // Zhurnal ministerstva yusticii. 1899.
16. Pravovoj mir Kavkaza: proshloe, nastoyashchee, budushchee. Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Rostov n/D.: Izd-vo SKAGS, 2011.
17. Pravosoznanie i pravovoe myshlenie v usloviyah cifrovizacii obshchestva // Severo-Kavkazskij yuridicheskij vestnik. 2020. № 2. P. 160–163.
18. Pfaff V.B. Narodnoe pravo osetin. Tiflis. 1872. Sbornik Svedenij o Kavkaze. (2-h to-mah). Tiflis. 1872.
19. Svechnikova L.G. Ponyatie obyčaya v sovremennoj nauke: podhody, tradicii, problemy (na materialy yuridicheskoy i etnologicheskoy nauk) // Gosudarstvo i pravo. 1998. № 9. P. 98–102.
20. Tihomirov YU.A. Formula pravovogo vozdejstviya // Zhurnal rossijskogo prava. 2020. № 11. P. 5–13.
21. Trofimov YA.V., Krasnov S.YU. Ponyatie «obychnoe pravo»: sovremennye tendencii, perspektivy razvitiya v civilisticheskoy i drugih yuridicheskikh naukah // Vestn. Volgogr. gos. un-ta. Seriya 5. YUrisprud. 2011. № 2(15). P. 135–144.
22. Shapiev R.N. Sootnoshenie obychnogo prava i rossijskogo zakonodatel'stva: voprosy teorii i praktiki // Problemy v rossijskom zakonodatel'stve. 2017. № 2. P. 155–157.
23. Shapsugov D.YU. Pravovoj mir kak real'nost' i nauchnaya problema. Pravovoj mir Kavkaza: proshloe, nastoyashchee, budushchee (Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii). Rostov-na-Donu, 2011.
24. Shatkovskaya T.V. Imperskaya model' osushchestvleniya gosudarstvennoj vlasti Rossii na Severnom Kavkaze: etapy stanovleniya i osobennosti realizacii // «Imperii, monarii, respubliki, konfederacii kak formy osushchestvleniya vlasti na Kavkaze» Materialy VIII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii / Otv. red. i sost. D. YU. Shapsugov. Rostov n/D.: Izdatel'stvo OOO «Al'tair», 2018.